

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 316.3:316.77

DOI: 10.17223/2312461X/34/15

ГЕОВЛАСТЬ, ЭКСТРАКТИВИЗМ И ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ: ЭССЕ О «ГЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ» В СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Э. ПОВИНЕЛЛИ И К. ЮСОФФ)*

Данная эссе-рецензия посвящена «геологическому повороту» в социальной антропологии – новому направлению, которое объединяет аналитический аппарат критической социальной теории, классическую методологию этнографического исследования, проблематику гуманитарной географии, историю и философию геологического познания. В широком значении предметом геологической антропологии являются взаимоотношения между социальными и геологическими процессами. Под «геологией» в данном случае имеется в виду не столько одноименная дисциплина, сколько специфическая оптика изучения социальных процессов в эпоху антропоцена (Bobbette, Donovan 2019).

Под антропоценом неформально принято понимать современную геологическую эпоху, для которой характерно значительное воздействие человеческой деятельности на геологические процессы и окружающую среду (Malhi 2017). У исследователей антропоцена нет однозначного ответа, какое событие в человеческой истории послужило отправной точкой для наступления этой эпохи. Одним из возможных «кандидатов» на эту роль является промышленная революция в Англии XVIII в., в ходе которой произошел переход на машинный способ производства. Этот переход инициировал широкомасштабное использование богатых залежей каменного угля, что, в свою очередь, значительно повлияло на климатические изменения и запустило процесс накопления «ископаемого» капитала за счет экстрактивизма ресурсов в позднем либерализме, который некоторые исследователи (Moore 2017) обозначают термином «капиталоцен».

Дебаты вокруг теории антропоцена в социальных науках стимулировали возникновение ряда направлений, критикующих центральное

* Работа написана в рамках проекта РНФ № 20-68-46043 «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (рук. Д.А. Функ).

положение антропо́са (человека) в планетарных процессах. К числу таких направлений можно отнести и геологический поворот в социальных науках. Этот поворот способствовал появлению целого ряда исследований, посвященных рассмотрению понятия «геос» (неживая материя) в изучении взаимодействия между социальными процессами, политикой и практиками экстрактивизма. Например, Стюарт Элден (Elden 2013) показывает, как внимание к геологии и ее методам картографирования «подземных пространств» помогает переосмыслить обыденное представление о территории лишь как о поверхности. Ранее эта идея обсуждалась на примере концепции «вертикальной территории» (Braun 2000) и «колонияльного подземелья» (Scott 2008). Кларк и Юсофф (Clark, Yusoff 2017) опубликовали подборку статей, в которых исследуется разнообразие ролей геологической материи и ее осмысление в теории антропоцена. Наконец, Джерри К. Джека (Jacks 2018) предлагает термин «минеральный век» для определения взаимосвязи человечества с подземными минеральными ресурсами. Он подчеркивает то огромное влияние, которое органические и минеральные вещества оказывают на жизнь современного человечества.

Исследователи также отмечают важность учета альтернативных геологических теорий. Так, в коллективной монографии под редакцией Боббетт и Донован (Bobbette, Donovan 2019) исследуются незападные/индигенные геологические теории строения и происхождения Земли, а также материальное измерение геополитики и отношения между геологическими традициями и политикой в разных сообществах, включая коренные народы мира. Кроме того, ученые обращают внимание на взаимосвязи между политическими и геологическими процессами, включая историю принятия политических решений в связи с экстрактивизмом.

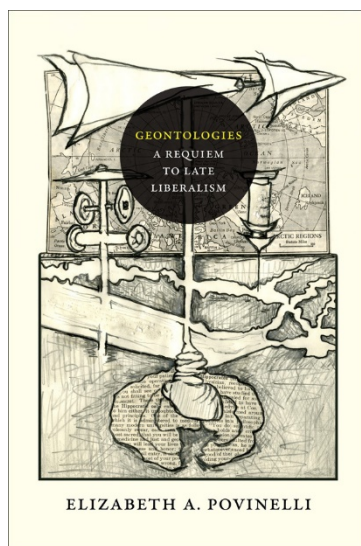
Геополитическое измерение экстрактивизма также обсуждается в работе Жюли Клинге под названием «Границы редкоземельных элементов: от подземных недр к лунным ландшафтам» (Klinger 2017) на примере редкоземельных металлов. Клинге отмечает, что география распределения редкоземельных элементов геологически условна: металлы не знают границ национальных государств. Следовательно, эти границы создаются искусственно в целях установления геополитических властных отношений. Дискурс «редкоземельности» служит хорошим оправданием экономической конкуренции, которая часто имеет мало общего с самими редкоземельными металлами. Таким образом, как пишет Клинге, речь идет не о добыче редкоземельных металлов, а скорее о демонстрации прав на исторически оспариваемые и геополитически значимые пространства. В своем исследовании Клинге обращается к понятию «высшее благо», утилитарному подходу в экономике, согласно которому наилучшим экономическим результатом является

ся тот, который приносит максимальную пользу как можно большему количеству людей. Этот подход часто используется для оправдания нанесения вреда в местах разработки полезных ископаемых, которые исследовательница определяет как «зоны, приносимые в жертву» (*sacrifice zones*) для всеобщего блага.

Эти и многие другие работы заложили фундамент нового направления социальных исследований, которое неформально называется «геологическая антропология». В этом эссе я подробнее проанализирую два ключевых текста, которые значительно повлияли на развитие теоретической базы этого направления: работы Элизабет Повинелли и Кэтрин Юсофф.

Геонтологии Элизабет Повинелли

Povinelli, Elizabeth. *Geontologies: a Requiem to Late Liberalism*. Durham: Duke University Press, 2016.

Профессор Колумбийского университета, социальный антрополог, философ и режиссер Элизабет Повинелли является одной из ведущих исследовательниц концепции «геос». В своей книге «Геонтологии: реквием по позднему либерализму» она предлагает концепцию геонтовласти, под которой понимает способ управления, объединяющий дискурсы и практики, определяющие отношения и границы живого и неживого (Povinelli 2016). Согласно Повинелли, геонтовласть – это способ управления «существованием» (existence) с помощью концептуального различия между «жизнью» (Life или *биос*) и «не-жизнью» (Non-Life или *геос*), появившийся в позднем либерализме, к которому Повинелли относит и неолиберализм. Важно отметить, что идея не-жизни (*геос*) не тождественна идеи смерти (*танатос*), так как смерть – это атрибут

жизни, а сущности, попадающие в категорию «геос», онтологически изначально мертвы. Повинелли подчеркивает, что раскрытие проблематики искусственного разделения жизни и смерти, а также жизни и нежизни происходит вследствие дебатов о вымирании (исчезновении) человечества и всех планетарных сущностей в эпоху антропоцена. Она отмечает, что признание теории антропоцена знаменует момент, когда человеческое существование стало определенной формой планетарного существования, злокачественной по отношению ко всем другим формам бытия. Ответственность людей за гибель планеты становится доминирующим дискурсом в современных дебатах о климатических изменениях, при этом убийства отдельных человеческих популяций и массовые переселения занимают пропорционально меньше места в социальной повестке и политическом дискурсе. Фукодианская концепция биовласти неспособна, по мнению Повинелли, описать происходящие изменения. Для их осмысления она и предлагает концепцию геонтовласти.

Здесь нужно сказать несколько слов о «биовласти». Под «биовластью» французский философ Мишель Фуко понимал взаимоотношения между сувереном и подданным, основанные на взимании с последнего тех или иных ресурсов, включая право на его жизнь. Он также подчеркивал отличие суверенной власти от дисциплинарной. Последняя не заинтересована в физическом устранении в качестве наказания, а оперирует с помощью дисциплинарного контроля над телом человека как разновидности биологического вида, что составляет основу биополитики. Именно управление жизнью является основной функцией дисциплинарной власти, с помощью которой она осуществляет свой контроль над популяцией. Почему концепция Фуко перестает работать в эпоху антропоцена? Повинелли отвечает на этот вопрос следующим образом: потому что появляется идея «исчезновения» (extinction), которая дискурсивно переносится на все формы жизни. Антропос остается элементом в этом «наборе жизни» только постольку, поскольку «жизнь» сохраняет свое отличие и от смерти или исчезновения, и от нежизни. Таким образом, основное отличие предложенной Повинелли концепции геонтовласти от биовласти заключается в проблематизации самих понятий «живое» и «неживое», которые она критически анализирует в своей работе «Геонтологии».

Повинелли отмечает, что сторонники антропоцена неверно противопоставляют человека как действующего субъекта остальным биологическим, метеорологическим и геологическим акторам. В подобной картине мира человек (the Human) оказывается абстракцией, отделенной от категории нечеловеческих субъектов (the Nonhuman). Однако такой способ классификации имеет смысл только в «дисциплинарной логике геологии», опирающейся на идею классификации, основанной на четком различии между различными формами жизни и не-жизни. При этом Пови-

нелли не стремится поставить знак равенства между человеком и другими сущностями (или существованиями). Напротив, для нее подобная идея является лишь одной из форм дискурсивного оформления теории антропоцена, которую она критикует, о чем будет сказано далее.

Работа Повинелли начинается с обсуждения австралийского кейса 2013 г., когда коренное население Северной Территории через Управление по защите территорий аборигенов Австралии подало иск против компании OM Manganese Ltd. за причинение вреда коренному населению вследствие умышленного осквернения священного места под названием «Две сидящие женщины», находящемся на марганцевом руднике Буту-Крик. Это место связано с мифом, отсылающему к двум предкам аборигенов: бандикуту и крысе. Согласно мифу, у бандикута было только двое детей, в то время как у крысы их было много. Бандикут попыталась забрать одного из крысиных детей, что привело к драке с крысой. Миф заключает, что выход марганца в этом священном месте является кровью этих двух предков, пролитой во время их драки. Управление выиграло данное судебное дело на пике увеличения производства марганца в Австралии. Сразу после такого неожиданного успеха правительство Северной Территории попыталось изменить устав Управления, упразднить независимость его совета и включить Управление под юрисдикцию кабинета министров. Правительство также предложило закон, согласно которому слово «священный» трактовалось бы как «относящийся к религиозным верованиям, нежели к месту, связанному с мифологическими историями, песнями и поверьями». При этом Повинелли заключает, что суд, рассмотревший дело об осквернении священного места, не принял во внимание то, чего желал или намеревался сделать сам памятник природы. Суд не заботился о том, хочет ли он остаться на месте, покончить жизнь самоубийством в качестве политического заявления или претерпеть трансформацию в марганец, чтобы австралийские поселенцы смогли извлечь больше капитала с земель коренных народов. Суд априори исходил из того, что не-жизнь не способна намереваться и желать, а само дело сводится к религиозным представлениям аборигенов.

Анализируя этот кейс, Повинелли не стремится занять одну из сторон конфликта или выступить в роли активистки, борющейся за права памятника или аборигенов. Она пытается увидеть корень проблемы, который, на ее взгляд, лежит в области онтологии. В своих поисках она обращается не только к индигенным метафизикам, но и переосмысливает корпус западной философии, начиная с Аристотеля, исследующей проблемы живой и неживой материи. Согласно учению Аристотеля, живое отличается от неживого наличием души и потенциальностью, т.е. стремлением к изменению в целях достижения своей формы или внутренней сущности. Сила, которая вызывает эти изменения, присуща

самим вещам, и на уровне живой материи выражается в концепции души. Живое отличается от неживого тем, что оно может изменяться самостоятельно через внутреннее побуждение. Неживое, напротив, не имеет потенциальности, а его движение зависит от внешних сил. Если на неживую вещь не действуют внешние стимулы, то она покоится. В этом отношении камни и геологические породы, например марганец, пребывают в своей актуальности, так как представляют собой практически чистую форму, чья сущность завершена: они «покоятся» на месте, т.е. онтологически изначально не живы.

Повинелли считает, что фиксация на «жизни» – проблема фактически всей западной философии, и Аристотель в этом отношении был первым «анимистом». Равно и для судьи «Две сидящие женщины» априори есть не что иное, как неживая материя, так как этот памятник лишен возможности передвигаться, целенаправленно воздействовать на окружающую среду и не имеет души. «Две сидящие женщины» – воплощенная бездушная экзистенция, находящаяся, что особенно важно в свете работы Повинелли, вне поля человеческой этики и права. В связи с этим, если компания разрушит данный памятник в целях извлечения марганца для нужд глобального рынка, то это действие не будет считаться убийством: ведь смерть – это атрибут жизни, а памятник изначально мертв. Само разделение между жизнью и не-жизнью интересует Повинелли постольку, поскольку оно затрагивает сферу политического, из которой не-жизнь полностью исключена. Такая же логика прослеживается в стереотипном описании австралийских аборигенов как людей каменного века, т.е. относящихся к категории «геос», а не «биос», за пределами «нашего» времени и пространства. Это, в свою очередь, ведет к конкретным политическим решениям, влияющим на жизнь коренного населения. Однако чтобы понять, как устроено управление жизнью, нам нужно понять, каким образом разграничение между жизнью и не-жизнью вообще оказалось возможным.

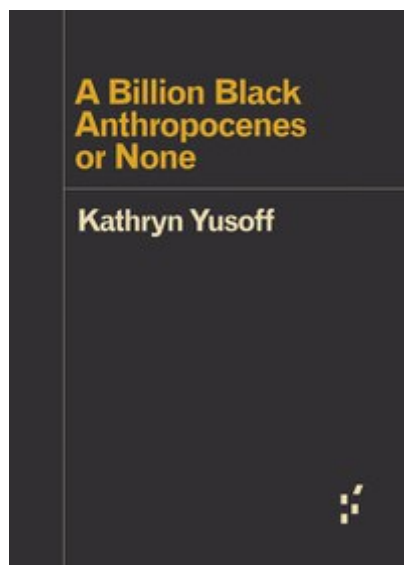
На уровне материи «Две сидящие женщины» состоят из марганца, а марганец имеет решающее значение для производства железа и стали, алюминия и меди. Играя роль в мировом производстве, этот памятник вносит свою лепту в продуцирование смога и изменение климата, политических процессов и общественных движений. Но самое главное – он порождает движение капитала, оперирующего посредством различия между жизнью и не-жизнью. Показывая ограниченность и даже несостоятельность различия между этими категориями, Повинелли обращается к трем фигурам антропоцена: Пустыня, Анимист и Вирус. Эти три фигуры отсылают к четырем фигурам Фуко (истерическая женщина, мастурбирующий ребенок, мальтузианская пара и извращенный взрослый), связанных с четырьмя типами дискурса, с помощью которых государство применяет различные формы контроля и наказания. Фигура Пустыни здесь олицетворяет

не-жизнь, Анимист утверждает, что все есть жизнь (тотальный витализм), а Вирус отрицает и то и другое. Для Вируса категории жизни и не-жизни не имеют значения, так как они не определяют его онтологию: вирус не является ни живым, ни неживым. Он использует это различие, передвигаясь от одного конца континуума к другому, лишь с единственной целью – расширить себя. Таким образом Капитал оказывается схожим с Вирусом: его единственная цель – извлечение все большей прибыли, чего он добивается посредством манипулирования границами и отношениями между жизнью и не-жизнью. При этом Капитал, как и трикстер, может выступать и в роли Анимиста, провозглашая вездесущую витальность прибыли и эксплуатируя дискурс прогресса, но в конечном счете движение Капитала направлено на объективизацию и дальнейшее потребление. Он является, по выражению Повинелли, Пустыней в одеянии Анимиста (the Desert in Animist Clothing).

Таким образом, основная идея работы Повинелли заключается не в перенесении категории «жизни» на нечеловеческие сущности, что делают исследователи, работающие в рамках онтологического поворота, а в проблематизации категорий «жизни» и «не-жизни», высвечивании их дискурсивности, гибридности, противоречивости и неопределенности, расшатывании устоявшихся представлений о жизни, не-жизни и смерти, а также, что особенно важно, в деконструкции неосознанных или, напротив, целенаправленных манипуляций этими категориями в целях извлечения капитала в позднем либерализме.

Черный антропоцен Кэтрин Юсофф

Yusoff, Kathryn. A Billion Black Anthropocenes or None. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018.

В своей книге под названием «Миллиард черных антропоценов или ни одного», вышедшей через два года после книги Повинелли, британский географ, социальный антрополог и философ Кэтрин Юсофф исследует то, каким образом имперская геология создает свой объект изучения с помощью своеобразного языка описания и номенклатуры, устанавливает границы, отделяющие живые сущности от неживых, а также превращает «минералы» в безжизненные ресурсы для дальнейшего их распределения и потребления на мировом рынке (Yusoff 2018). Во введении к своей работе Юсофф отмечает, что исследователи антропоцена, провозгласившие новый этап геологического развития человечества, недостаточно внимания уделили проблеме насильственного лишения земель коренных народов под эгидой колониальной «геологии» (*geo-logics*), не заметили они и «грамматик извлечения ресурсов» (*extractive grammars*), которые продолжают создавать инструменты и диктовать правила, по которым функционируют исторически сложившиеся колониальные нарративы, влияющие на практики вытеснения и исключения колонизованных субъектов. Юсофф также отмечает, что, признавая «всеобщность» геологической истории, исследователи антропоцена тем самым обходят стороной историю расизма, который зародился в том числе с помощью регуляторной структуры (*regulatory structure*), лежащей в основе геологических отношений. В частности, она подчеркивает связь между ресурсным освоением Нового Света и возникновением расовой категории «черные», рабовладением и лишением коренного населения их земель.

Каким образом категория «черноты» (*blackness*) семантически оказалась когнатом категории «ресурсы»? Юсофф пишет о том, что в логике колониального экстрактивизма такие категории, как «рабы» и, например, «золото», должны быть материальными объектами и эпистемически содержать идею извлечения их «не-человеческих свойств». Иными словами, обе категории объединены понятием «ресурсы», которые можно обменять, продать, переместить или распределить. Проблематика концептуализации этого понятия с точки зрения расовой теории является одним из ключевых направлений исследований Юсофф. Как расовые условия и предпосылки добычи ресурсов исторически и материально организованы? Каким образом можно осмыслить «воплощенную» (*embodied*) геологию и ее пространственные отношения, выраженные в институализированных формах расы? Как ведущие геологи своего времени академически фреймировали понятие «раса», прибегая к геологизации языка описания? Эти и многие другие вопросы Юсофф исследует в своей работе. При этом в рамках ее теоретического подхода геология понимается не столько как дисциплина, сколько как оптика и определенная материальная практика властных взаимоотношений в сфере извлечения ресурсов. Юсофф определяет эти отношения с помо-

щью концепции «геовласти», а колониальные практики геологии называет «белой геологией» по аналогии с «белым супремасизмом». Для того чтобы лучше понять, что именно Юсофф подразумевает под геовластью и «белой геологией», я процитирую следующий абзац из ее книги (перевод мой. – Н.М.):

Дело не только в том, что геология является означающим для извлечения (ресурсов), но и в том, что трансмутация материи происходит внутри этого означивания (сигнификации), в рамках которого материя превращается в ее свойство, что создает раздел между ее агентностью (способностью воздействовать) и бездействием; это, в свою очередь, делает стабильным разделение (букв., разрез) собственности и предписывает удаление материи из ее образующих отношений и как субъекта, и как минерала, включенного в социологические и экологические поля знаний. Таким образом, я утверждаю, что семиотика белой геологии создает вневременную материальность, смещенную в пространственно-временном отношении, – мифологию диссоциации в формировании материи, независимую от языков ее описания и исторической конституции социальных отношений (Yusoff 2018).

В данном абзаце Юсофф, искусно сочетая языки семиотики и геологии, показывает, что «означаемое» здесь – это не только полезные ископаемые, но и все остальные биополитические категории, включая рабов. Их объединяющим критерием является отсутствие агентности, т.е. способности воздействовать на окружающую среду. Более того, создаваемая белой геологией материальность не независима от академического языка описания, но является ее продуктом, а также создается с помощью конкретных социальных отношений. Вместо субъектов, наделенных агентностью, здесь фигурируют извлеченные свойства материи, имеющие для их обладателей какие-либо полезные качества, которые можно обменять на эквивалентные ресурсы. Перемещение людей, например рабов, является еще одной формой пространственного изъятия ресурсов по аналогии с добычей полезных ископаемых, во время которой «материя» изымается из своего пространственного окружения. Юсофф называет этот процесс «заземленной некрополитикой» (*grounding necropolitics*), заимствуя термин у камерунского философа Ачилла Мбембе. Согласно Мбембе, некрополитика – это система мер, с помощью которых государство определяет, кто должен жить, а кто умереть. Некрополитика включает разные формы уничтожения или лишения субъектности, к которым Мбембе относит, например, апартеид, расизм и колониализм. Для Юсофф экстрактивизм – это форма некрополитики, которая ведет к извлечению, смещению, колониализму и уничтожению, прямо или косвенно.

В рамках подобной геологической черные рабы и минералы рассматриваются в качестве обладателей определенных ценностей, а извлечение

их свойств создает тот самый излишек прибыли, который лежит в основе экономической мотивации экстрактивизма. В этом отношении категория «черные» является «пустым означающим», точно так же, как и золото и другие имеющие ценность ископаемые и ресурсы, где стоимость обмена устанавливается с помощью описательных маркеров, а предметы обмена рассматриваются как набор каких-либо свойств, имеющих меновую стоимость в конкретную историческую эпоху. При этом Юсофф пишет о том, что процесс символической материализации, направленный на создание материи как ценности, преобразует субъекты этого процесса с помощью «цветовой экономики», онтологически отличной от человеческой с ее правами, свободами и собственностью. Юсофф метафорически отмечает, что в зависимости от вашего цвета на геологическом спектре геология может выступать и как способ накопления собственности, и как способ ее лишения.

Обращаясь к конкретным примерам белой геологии, Юсофф исследует работы известных геологов XIX в. в свете их представлений о человеческих расах, показывая, как академическая геология заложила основы расовой теории. В частности, она обращается к фигуре Чарльза Лайеля, основателя британской геологии, и его работе «Основные начала геологии», повлиявшей на теорию эволюции Чарльза Дарвина. Представления Лайеля о человеческой расе были выражены с помощью языка академической геологии – той науки, родоначальником которой он во многом является. Лайель сформулировал проблематику рас в тех же терминах, что и стратификацию горных пород. Лайель считал, что «чернокожие» – это отличный от «белых» временной вид, т.е. основным их отличием служит время формирования. Идея «расового прогресса», т.е. превращение черных в «людей», согласно Лайелю, – это также дело времени. Юсофф подчеркивает, что контекст рабства и практики белой геологии как науки об извлечении полезных ископаемых создали единую канву для колониального проекта по описанию как земли в целом, так и «места» для различных людей внутри нее/на ней.

Идеи Лайеля и его геологические сравнения не являлись исключительными для своего времени, а скорее были вписаны в более широкий контекст осмысления расы через язык геологии – на тот момент еще зарождавшейся дисциплины. Другой известный геолог и палеонтолог, критик Дарвина, Луи Агассис заявлял, что «черные» в принципе не могут быть потомками детей Ноя, а являются неким деградировавшим видом, вне нашего времени и пространства, дожившей окаменелостью. Юсофф обращает внимание на то, как геологическое время в этих примерах используется для закрепления колониального дискурса: раса как еще одна формация, процесс и продукт геологии (земли). Это положение имело колоссальный эффект на черное население Америки, которое было исключено из категории «граждане» (иными словами «лю-

ди)), но по-прежнему рассматривалось как население, находящееся внутри государственных границ, не имеющее право голоса и возможности свободно передвигаться. Как и «Две сидящие женщины» Повинелли, они были обречены на то, чтобы пребывать в неподвижности своей внечеловеческой материальности, лишенной агентности, языка (права голоса), воли и права.

Подводя итог, отмечу, что данное эссе раскрывает лишь незначительную часть идей, обсужденных на страницах рассмотренных работ. Основной моей целью было показать, как антропология может анализировать геологическое знание, переосмысливать наследие академической геологии и представления о геологических процессах через призму критической теории, включая расовую теорию и проблемы колониализма. В этом отношении работы Повинелли и Юсофф, безусловно, являются ключевыми.

Источники

Yusoff K. A billion black anthropocenes or none. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. URL: www.manifold.umn.edu/projects/a-billion-black-anthropocenes-or-none.

Литература

- Bobbette A., Donovan* (eds.). Political geology: active stratigraphies and the making of life. Cham: Palgrave Macmillan US, 2019.
- Braun B.* Producing vertical territory: geology and governmentality in late Victorian Canada // *Ecumene*. 2000. № 7 (1). P. 7–46.
- Clark N., Yusoff K.* (eds.) Special Issue: Geosocial Formations and the Anthropocene // *Theory, Culture & Society*. 2017. № 34 (2–3).
- Elden S.* Secure the volume: vertical geopolitics and the depth of power // *Political Geography*. 2013. № 34. P. 35–51.
- Jacka J.K.* The anthropology of mining: The social and environmental impacts of resource extraction in the mineral age // *Annual Review of Anthropology*. 2018. № 48. P. 61–77.
- Klinger J.M.* Rare earth frontiers: from terrestrial subsoils to Lunar landscape. Ithaca and London: Cornell University Press, 2017.
- Malhi Y.* The concept of the Anthropocene // *Annual Review of Environment and Resources*. 2017. № 42. P. 77–104.
- Moore J.W.* The Capitalocene, Part I: on the nature and origins of our ecological crisis // *The Journal of Peasant Studies*. 2017. № 44 (3). P. 594–630.
- Povinelli E.* Geontologies: a requiem to late liberalism. Durham: Duke University Press, 2016.
- Scott H.V.* Colonialism, landscape and the subterranean // *Geography Compass*. 2008. № 2 (6). P. 1853–1869.

Надежда Александровна Мамонтова
Университет Северной Британской Колумбии,
Институт этнологии и антропологии РАН

Текст поступил в редакцию 17 сентября 2021 г.

Nadezhda A. Mamontova, University of Northern British Columbia (Prince George, Canada),
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: mamontova@unbc.ca

Geo-power, extractivism and vertical territories: an essay on the “geological turn” in social anthropology (on the example of the works of E. Povinelli and K. Yusoff)

DOI: 10.17223/2312461X/34/15

The work was written within the framework of the Russian Science Foundation project No. 20-68-46043 “Anthropology of Extractivism: Research and Design of Social Change in Resource-type Regions” (supervised by D.A. Funk).

References

- Bobbette, Adam & Donovan, Amy (eds.). Political geology: active stratigraphies and the making of life. Cham: Palgrave Macmillan US, 2019.
- Braun, Bruce. Producing vertical territory: geology and governmentality in late Victorian Canada, *Ecumene*, 2000, no. 7(1), pp. 7–46.
- Clark, Nigel & Yusoff, Kathryn (eds.) *Special Issue: Geosocial Formations and the Anthropocene, Theory, Culture & Society*, 2017, no. 34 (2–3).
- Elden, Stuart. Secure the volume: vertical geopolitics and the depth of power, *Political Geography*, 2013, no. 34, pp. 35–51.
- Jacka, Jerry K. The anthropology of mining: The social and environmental impacts of resource extraction in the mineral age, *Annual Review of Anthropology*, 2018, no. 48, pp. 61–77.
- Klinger, Julie M. *Rare earth frontiers: from terrestrial subsoils to Lunar landscape*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2017.
- Malhi, Yadvinder. The concept of the Anthropocene, *Annual Review of Environment and Resources*, 2017, no. 42, pp. 77–104.
- Moore, Jason W. The Capitalocene, Part I: on the nature and origins of our ecological crisis, *The Journal of Peasant Studies*, 2017, no. 44(3), pp. 594–630.
- Povinelli, Elizabeth. *Geontologies: a requiem to late liberalism*. Durham: Duke University Press, 2016.
- Scott, Heidi V. Colonialism, landscape and the subterranean, *Geography Compass*, 2008, no. 2(6), pp. 1853–1869.